

У ИСТОКОВ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

В. И. Сергеев

События, связанные с началом присоединения Сибири к России, нашли отражение в «Кунгурской», Строгановской, Есиповской и Ремезовской летописях. В основу их положены ныне утраченные первоисточники, что и ставит эти «исторические повести, построенные на цельном сюжете»¹, в один ряд с немногочисленными официальными документами. Историки, изучавшие вопрос о присоединении Сибири (начиная с Г. Ф. Миллера), в том числе и советские ученые, опирались обычно на концепцию одной из этих летописей, во многом (хронология, причинность явлений, взаимосвязь событий и т. д.) противоречащую остальным².

Современное воззрение на сибирское летописание определяется в основном выводами, содержащимися в фундаментальном исследовании С. В. Бахрушина³. В связи с изданием Археографической комиссией в 1907 г. сибирских летописей он в 1915—1927 гг. пересмотрел структуру сибирского летописания в целом и в том числе взаимозависимость Строгановской и Есиповской летописей и их отношение к главе 37 («Синодику казаком») последней (кратко, но не совсем идентично с основным текстом, повторяющей тот же сюжет)⁴. Вопрос об их соотношении — краеугольный камень всей полемики, имеющей, по выражению Бахрушина, большую литературу⁵. Исходными для Бахрушина были выводы С. А. Адрианова, последовательного сторонника концепции летописца С. Есипова⁶. Для них «Синодик казаком» Есипова — это синодик Киприана 1622 г. как таковой. Адрианов далее утверждает, что синодик и есть то «Написание», которое принесли казаки по запросу Киприана; синодик, или иначе «Написание», — основной источник Есиповской летописи, а она, в свою очередь, основной источник Строгановской летописи⁷.

¹ В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири. М. 1960, стр. 7. См. также И. А. Дворецкая. Археографический обзор повестей о походе Ермака. «Труды» ОДРЛ. Т. 13. М.-Л. 1957, стр. 467.

² Так, по «Кунгурскому» летописцу один Максим Строганов, понуждаемый казаками, экипировал дружину Ермака; по Строгановской летописи Семен, Максим и Григорий Строгановы призвали с Волги казаков и организовали поход Ермака в Сибирь; Есиповская же и Ремезовская летописи вовсе исключают Строгановых. Нет даже общепринятой даты гибели Ермака. О ней сообщается: «В ночь с 5-го на 6-е августа 1585» («История Сибири». Т. 2. Л. 1968, стр. 30); «В августе 1584» («История СССР с древнейших времен». Т. 2. М. 1966, стр. 340); «В ночь на 6 августа 1585, по другим данным — 1584» («Советская историческая энциклопедия». Т. 5. М. 1964, стб. 509).

³ С. В. Бахрушин. Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе. «Научные труды». Т. 3, ч. I. М. 1955.

⁴ См. Сибирские летописи. СПб. 1907 (далее — СЛ), стр. 164—170.

⁵ Обстоятельный разбор историографии вопроса см.: В. Г. Мирзоев. Указ. соч.

⁶ С. А. Адрианов. К вопросу о покорении Сибири. «Журнал министерства народного просвещения», 1893, апрель, стр. 522—550.

⁷ См. С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 22; С. А. Адрианов. Указ. соч., стр. 533, 539.

Тщательный анализ текстов летописей и выявленные несоответствия привели Бахрушина вопреки выводу Адрианова к предположению, что летописи связаны лишь через общий протограф. Им-то, по мысли Бахрушина, и является упомянутое Есиповым «Написание», которое восстанавливается «в общих чертах» без особых трудностей¹⁰. Однако обнаруживается, что в представлении одних протограф — это «безыскусный рассказ», отображающий «демократическую струю» в летописании, для других — высокопарное произведение «изящной словесности»¹¹. Противоречивость свойств протографа привела к мысли о существовании еще одного промежуточного источника — первой официальной летописи, или иначе «повести «О Сибири»¹². Но это предположение явно противоречит «чрезвычайно близкому сходству параллельных мест, временами дословному»¹³, в Строгановской и Есиповской летописях; если же учесть и обнаруженную еще Адриановым прямую связь Есиповской и Ремезовской летописей, то сводится на нет возможность научно обосновать какую-либо из взаимоисключающих летописных концепций. На этом основании некоторые исследователи утверждают, что все или по крайней мере отдельные сибирские летописи не могут являться историческими источниками¹⁴.

При пересмотре основных выводов Адрианова Бахрушин привлекает для сопоставления и анализа древнейший (как полагают, первой половины XVII в.) список одной из трех известных редакций — основной Строгановской и основной же (из двух редакций — древнейшей, датированной 1649 г.) список Есиповской летописей. Последующее развитие летописания, возникновение их распространенных, кратких и смешанных редакций и их взаимное соотношение прослежены ныне по многим спискам¹⁵. Вопрос же о соотношении самих основных редакций названных летописей остается невыясненным. Для того, чтобы определить их соотношение, вполне достаточно вслед за С. В. Бахрушиным ограничиться теми же объектами исследования (с привлечением оригинальных списков). На то, что вопрос должен был решаться, «конечно, в... основных редакциях» летописей, указывал и А. И. Андреев в 1960 году¹⁶.

При явной близости летописей (Есиповской, включая гл. 37, и Строгановской) объективно возможны три схемы их взаимозависимости: 1) Есиповской от Строгановской, 2) Строгановской от Есиповской; 3) обеих от общего протографа (шире — источников или источника), причем допустимо и такое положение, когда в ряду этих источников для каждой из двух летописей протографом может оказаться вторая летопись. Выяснение соотношения двух летописей затрудняется, правда, тем, что гл. 37 Есиповской летописи (якобы синодик Киприана) выделяется в самостоятельный объект исследования. А нельзя ли считать ее главой 37 этой летописи как таковой? Казаки в 1622 г. принесли Киприану «Написание» с именами своих убитых сподвижников. Архиепископ распорядился записать их в соборный синодик. В гл. 37 этих имен нет, да и автор летописи проводит четкое различие между нею са-

¹⁰ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 30.

¹¹ См. В. Г. Мирзоев. Указ. соч., стр. 116, 130—131 и др.; С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 30.

¹² Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л. 1947, стр. 394; Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск. 1965, стр. 130, 144 (схема).

¹³ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 22.

¹⁴ См. Г. Красинский. Покорение Сибири и Иван Грозный. «Вопросы истории», 1947, № 3; А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. М.-Л. 1960, стр. 216.

¹⁵ См. Н. А. Дворецкая. Указ. соч. Ею привлечены свыше 50 списков Есиповской и 16 — Строгановской летописей.

¹⁶ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 213.

мой и «синодиком», в котором «имена их написаны»¹⁷. Значит, при большой общности гл. 37 с синодиком Киприана 1622 г. ее можно считать частью Есиповской летописи.

Пересматривая основные положения Адрианова и вводя понятие протографа, Бахрушин наглядно показал несостоятельность утверждения о зависимости Строгановской летописи от Есиповской. По сути, им же доказано было и более раннее по сравнению с «Синодиком казаком» происхождение части текста Строгановской летописи¹⁸. Это позволяет поставить вопрос о зависимости от нее Есиповской летописи. Почему же тогда не рассматривалась такая возможность? То обстоятельство, что Бахрушин в начале исследования разделял точку зрения Адрианова (сторонника приоритета Есиповской летописи), определило и его исходные позиции. Бахрушин высоко оценивал «строго научные приемы критики текста» Адриановым и полагал, что его выводы «до сих пор не утратили силы»¹⁹. Обосновывая свои позиции, Адрианов (не касаясь противоречий внутри Есиповской летописи) акцентирует внимание или на подобных погрешностях в Строгановской летописи или на ее несоответствиях Есиповской. Поэтому он и пишет о невозможности выступления в поход дружины Ермака 1 сентября из-за нападения в тот же день пельменского князька на вотчины Строгановых, и о неразумности посылки Строгановыми казаков 1 сентября, глядя «на зиму», и о том, что посылка в помощь Ермаку 300 человек является вымыслом потому, что ни Киприан, ни Есипов «не знают об этом». «Накопец, как мог Ермак бить челом государю страну, — спрашивает Адрианов, — покоренною им по воле и при поддержке Строгановых?»²⁰. Однако все эти несоответствия «обстоятельствам дела» обнаруживают лишь несостоятельность строгановской летописной концепции и трактовки известных летописцу фактов²¹. Адрианов в заключение утверждает, что в ряду источников Есиповской летописи «нет места Строгановской летописи»²². В ходе анализа, когда выявилась неудачная переработка текста в гл. 37 (по мысли Бахрушина и Адрианова, синодике 1622 г.) по сравнению с оригинальным соответствующим местом в тексте якобы «позднейшей» Строгановской летописи, Бахрушин утвердился в мнении, что прямая связь между летописями невозможна. Если солидаризироваться с Адриановым в том, что Есиповская летопись предшествует во времени Строгановской, а синодик 1622 г. — это гл. 37 Есиповской летописи, остается допустить связь летописей лишь через общий им протограф, что и сделал С. В. Бахрушин²³.

На чем же основаны выводы Адрианова? Доказательства его включают наряду с научными доводами и простое парирование аргументов противников, основанное все на тех же очевидных противоречиях «обстоятельствам дела». Именно выводы, интересующие нас, обоснованы наиболее полемично. Во-первых, статья Строгановской летописи «О сибирских царях» «похожа, как две капли воды, на соответствующую» в Есиповской. Значит, Есипов «неверно сказал, что пользовался татарской летописью: он взял это из Строгановской»²⁴ (но и по схеме Бахрушина

¹⁷ «Синодик Ермаковых казаков» 1622 г. недавно обнаружен Е. К. Ромодановской и опубликован (см. «Известия» Сибирского отделения АН СССР», 1970, № 3). Приношу ей благодарности за предоставленную возможность ознакомиться с публикацией еще в рукописи.

¹⁸ См. С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 26—27.

¹⁹ Там же, стр. 22, 28.

²⁰ С. А. Адрианов. Указ. соч., стр. 526, 527, 546, 548 и др.

²¹ Эти противоречия разрешаются, если рассматривать события в соответствии с предложенной нами хронологией похода Ермака (см. В. И. Сергеев. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака. «Вопросы истории», 1959, № 1, стр. 120, 126, 128).

²² С. А. Адрианов. Указ. соч., стр. 539, 540.

²³ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 28.

²⁴ С. А. Адрианов. Указ. соч., стр. 531.

Есипов в данном случае не пользовался так называемой татарской летописью²⁵). Во-вторых, Есипов говорит об использовании преданий казаков. Адрианов вопрошает: «Что именно взято из преданий», если все эти факты «есть и в Строгановской летописи»? (Далеко не все, что выявляется в ходе разбора глав 30, 32—34, не имеющих аналогий в Строгановской летописи.) В-третьих, «наконец, солгал он (Есипов.— В. С.) и в том, что распространил свой оригинал». Есиповская летопись «отнюдь не может считаться распространенной Строгановской»²⁶ (объемы ранних текстов летописей: Строгановской—46, Есиповской—66 страниц²⁷). У Адрианова был неудовлетворительный список Есиповской летописи, что отмечал и Бахрушин)²⁸. В итоге Адрианов заключает, что зависимость Есиповской летописи от Строгановской можно признать, если «мы решимся все послесловие первой летописи счесть ложью»²⁹. Итак, сама аргументация свидетельствует о возможности и прямой связи двух текстов и зависимости Есиповской летописи от Строгановской. Информация же Есипова об источниках его летописи требует дальнейшего изучения.

На прямую взаимосвязь двух летописей наряду с текстуальной близостью указывают и присущие летописям структурные особенности (и самые общие и частные). Уже начальные (сокращенные) названия их: «О взятии сибирской земли» и «О Сибири и о сибирском взятии» — несут в себе и смысловое и лексическое сходство. Если не учитывать гл. 37 (как специальный синодик), то в летописях соответственно по 36 глав и статей (с предисловиями). В Строгановской летописи статьи 7 («О призвании... казаков... в Чюсовские городки») и 8 («О приходе... казаков... в Чюсовские городки») находят себе структурную аналогию в главах Есиповской летописи 7 («О пришествии Ермака и прочих в Сибирь») и 8 («О пришествии же Ермака и прочих казаков в Сибирь»). Однако за исключением общего известия о количестве казаков (540) содержание 7-й главы и 7-й статьи совершенно различно: 7-я статья посвящена Строгановым, а 7-я глава — отвлеченным рассуждениям о божественном провидении. Если учесть, что для Есипова в летописи Строгановы — фигура умолчания (о чем будет сказано ниже), то само наличие в летописи такой главы легко объясняется стремлением Есипова на начальном этапе не отступать от структуры Строгановской летописи.

Выявленный Бахрушиным «более древний текст» в Строгановской летописи в сравнении с соответствующим текстом «Синодика казаком» — свидетельство в пользу зависимости от нее Есиповской летописи³⁰. Посмотрим, нет ли в основных частях двух летописей еще примеров, подобных обнаруженному Бахрушиным. Сравним тексты обеих летописей³¹.

СТРОГАНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

[ст. 12]... по Туре и доидоша до Тавды реки в мужестве, и на усть той реки поймаша Татар. Един бе от них, именем Таузак, царева двора, и поведат им все по ряду про Сибирских царей и князей и музр и уланов и про царя Кучюма. Они же уведавше от него о всем достоверно и отпустиша его, да скажет Кучюмови салтану пришествие русских воинов и их мужество и храбрость... Царь же Кучюм о сем оскорбился и опечалился велми зело и паки...

ЕСИПОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

гл. 8... и Турюю и доплыша до реки Тавды. На усть же твоя реки яша Тотарина, имянем Таузака, царева Кучюмова двора; поведаше же им сей все про царя Кучюма. Слышав же царь Кучюм пришествие русских воин и мужество их и храбрость и о сем оскорбился зело и паки...

²⁵ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 29—30.

²⁶ С. А. Адрианов. Указ. соч., стр. 531.

²⁷ См. СЛ, стр. 1—46, 105—170.

²⁸ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 22.

²⁹ С. А. Адрианов. Указ. соч., стр. 531.

³⁰ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 26—28.

³¹ СЛ, стр. 16—17 и 125—127.

Здесь, как и в примере у Бахрушина, в Есиповской летописи, неудачное сокращение. Логическая связь задержанная Таузак с получением Кучумом известия о казаках устанавливается лишь из Строгановской летописи.

При сплошном сопоставлении двух текстов выявляется следующее соответствие их статей и глав: ст. 12, 14 — гл. 8; ст. 13 — гл. 2, 3, 4, 5; ст. 15, 16 — гл. 9, 10, 11, 12, 13, 14; ст. 17 — гл. 15; ст. 18 — гл. 17; ст. 19 — гл. 18; ст. 20 — гл. 19; ст. 21 — гл. 16; ст. 22, 23 — гл. 20; ст. 24 — гл. 21; ст. 25 — гл. 22; ст. 26 — гл. 23; ст. 27 — гл. 24; ст. 28 — гл. 25; ст. 29, 30 — гл. 26; ст. 31 — гл. 27; ст. 32 — гл. 28, 29; ст. 33 — гл. 31; ст. 35 — гл. 35. При различном характере соответствия (от общности текстуральной до приблизительной смысловой) в целом прямая взаимосвязь сопоставляющихся текстов несомненна. Недаром и Адрианов отмечал «совершенную тождественность» ядра двух летописей³².

Прежде чем касаться несопоставившихся оригинальных глав и статей (ст. 1—11, 34, 36; гл. 1, 6, 7, 30, 32—34, 36, 37), обратим внимание на отмеченные различия в последовательности статей и глав летописей (ст. 13 — гл. 2—5; ст. 21 — гл. 16), так как это позволяет заглянуть в творческую лабораторию летописца.

Содержание статьи 13 Строгановской летописи Есипов излагает в главах 2—5 (сами тексты, по выражению Адрианова, схожи, «как две капли воды») ³³, тексты же статей 12, 14 соединяет в главе 8. Это изменение в расположении материала объясняет целесообразность сокращения Есиповым части фразы («про Сибирских царей и князей...» из текста ст. 12, где эти слова подводили читателя к ст. 13 — «Тоя Сибирския земли о царех и князех, како и откуда начашася»).

Согласно версии строгановского летописца, о победе над Кучумом и пленении Маметкула казаки извещают Строгановых. Последние, сообщив об этом в Москву, получают царское жалованье, а затем уж и казаки обращаются к Ивану Грозному и получают указание «послать к Москве» Маметкула, которого и встречает Иван Грозный. Если признать связь Ермака со Строгановыми, то объяснимо «промедление» казаков с обращением к царю. Исключение Строгановых из круга действующих лиц и попытка связать казаков непосредственно с Грозным сближают во времени разгром Кучумова царства с обращением казаков к царю, что и отражает Есипов. При этом если строгановский летописец, излагая письмо казаков в Москву, объединяет в нем известия об «отогнании» Кучума и пленении Маметкула, то Есипов, помещая обращение казаков к царю перед статьей, повествующей о пленении Маметкула, естественно, исключает этот факт из казачьего письма. Поэтому у Есипова в гл. 17 в отличие от 18-й статьи Строгановской летописи Ермак может «поведать» плененному Маметкулу о «царском великом жаловании». По-иному трактует Есипов и факт прибытия Маметкула в Москву, относя его вопреки Строгановской летописи ко времени царя Федора Ивановича³⁴. Обоснование этому мы находим в двух первых статьях Нового Летописца³⁵, сопоставляя с ними смысловые и лексические различия Есиповской и Строгановской летописей, выявляемые при их сравнении³⁶.

³² С. А. Адрианов. Указ. соч., стр. 536.

³³ Там же, стр. 531.

³⁴ См. Есиповская летопись, гл. 21 (СЛ, стр. 143), Строгановская летопись, ст. 25 (СЛ, стр. 33).

³⁵ Новый Летописец составлен в Посольском приказе около 1630 года (см. Л. В. Черелнин. «Смута» и историография XVII в. «Исторические записки», Т. 14. 1945).

³⁶ При этом обнаруживаются аналогичные фразы и термины: «Закон же царя Кучума Моамета... инни же кумиром поклоняющиеся» (гл. 6. СЛ, стр. 118—119), «тотаря закон Моаметов держат... Пегая ж орда и остяги и самоедь закона не имеют, но идолом поклоняются» (гл. 1. СЛ, стр. 111), «Прежде бо живящие чюдь по всей Сибирстей земли» (гл. 3, СЛ, стр. 117). В Новом Летописце соответственно находим:

И переставленная Есиповым гл. 16 (в отличие от ст. 21 названная «О послании ко царю к Москве соунчом») находит в тексте Нового Летописца аналогию: «Ко царю же к Москве посла с сеунчем»³⁷. Однако далее Есипов не следует за Новым Летописцем, сохраняя последовательность изложения Строгановской летописи: после посылки в Сибирь воевод посылка Маметкула (воеводами) к Москве, а не наоборот (как в Новом Летописце³⁸).

У Есипова не находят отражения статьи 1—11, 34 и 36 Строгановской летописи. Все они (кроме ст. 34) связаны со Строгановыми. Некоторые оригинальные главы Есиповской летописи фактически не связаны с действиями казаков; они посвящены описанию: «Сибирской страны» (гл. 1), «веры» сибирских народов, «торжества» православия (гл. 6), «божественного провидения» в судьбе Ермака и казаков (гл. 7). Особый интерес представляют главы 30, 32—34, отлично от Строгановской летописи развивающие летописный сюжет. О том, что не строгановский летописец исключает из текста материал оригинальных глав (якобы используя Есиповскую летопись), а, наоборот, Есипов исключает не удовлетворяющий его материал Строгановской летописи (частично и ст. 33 и 34) и расширяет собственное изложение (гл. 30, 32—34), свидетельствует сопоставление соответствующих мест.

Как и Есипов (в гл. 35), строгановский летописец в ст. 35 описывает «устройство градов», но при этом даже не упоминает об основании первого в Сибири города — Тюмени. Вопреки факту (известному Есипову хотя бы из Нового Летописца) получается, что первым, да еще на месте «града Сибири», был основан Тобольск. Вводя главу (30) об основании Тюмени, Есипов уточняет очередность основания городов, а затем, несомненно, полемизируя, определяет топографическое соотношение Тобольска и «града Сибири». Сравним снова тексты обеих летописей³⁹:

СТРОГАНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

[ст. 33]... царь... прислал с Москвы в Сибирь воеводу Данила Чюлкова со многими воинскими людьми... Татарове же сего убояшася... и збегоша от града своего, идеж преж сего бысть в Сибири татарский их город стольный — усть Тобола и Иртыша, иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста. Русий ж вои приидоша и седоша в нем и утвердивше град крепко, идеж бы ныне именуемый богоспасаемый град Тоболеск.

ЕСИПОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

гл. 31... по его царскому изволению послан с Москвы... воевода Данило Чюлков со многими воинскими людьми... доидоша до реки Иртыша, от града Сибири пятнадцать поприщ (разрядка моя.— В. С.)... вместо сего царствующаго града причтен Сибири старейшина бысть сей град Тоболеск, понеже бо ту победа и одоление на окаянных бусормен бысть, паче ж и вместо царствующаго града причтен Сибири.

Есипов — житель Тобольска; в этом городе тогда была известна деревня Черная, расположенная на месте кучумовой столицы («на Старой Сибири, на яру») ⁴⁰. Поэтому нет оснований ошибочность изложения данного вопроса в Строгановской летописи ставить в зависимость от правильно излагающей факты Есиповской летописи. Отлично от ст. 34

«царь Кучум; вера же их бусарманская Мааметева закону... а иные ж чюдь заблудящая, веры и закону не знаху» (ПСРЛ. Т. 14, ч. 1, стр. 33). Только у Есипова в гл. 30, соответственно Новому Летописцу, повествуется об основании Тюмени.

³⁷ Сеунч, соунч — радостная весть, преимущественно о победе.

³⁸ Из записи в посольских делах 1585 г. можно судить о прибытии Маметкула в Москву при Иване Грозном. Запись 1586 г., отражающая стремление «особо подчеркнуть заслуги нового правительства», относит это событие уже ко времени царя Федора (см. А. А. Преображенский. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири. «Исследования по отечественному источниковедению». М.-Л. 1964, стр. 387, 389).

³⁹ СЛ, стр. 41—42, 154—155.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. СП, кн. 1207, лл. 98, 110; столбец 571, л. 70. (В челобитной тобольского архиепископа Нектария от 8 июля 1638 г. отмечается, что Савва Есипов — Софейского дому дьяк.)

Строгановской летописи описывает Есипов (в гл. 32—34) судьбу князя Сейдяка, Кучума и их столицы после гибели Ермака, приводя детали, известные ему явно со слов очевидцев. Как отмечает Есипов во введении, «о царстве же Сибирском и о княжении» он написал «ино с летописца Торского, ино же достоверными мужи испытовах», которые и поведали ему «яве»⁴¹.

По крайней мере трижды в ряду упоминаемых источников Есипов отмечает летопись, названную позднее Н. М. Карамзиным Строгановской. Предшествующая походу Ермака история «о царстве Сибирском и о княжении» в двух летописях изложена, по словам Адрианова, «похоже, как две капли воды». При устанавливаемой зависимости Есиповской летописи от Строгановской указание Есипова на «Торский» летописец как на источник этих сведений позволяет отождествлять последний со Строгановской летописью («Тотарский» летописец—реконструкция поздних переписчиков). Начиная фактически заключительную, 36-ю гл., единственную в древнейшем списке, названную только в оглавлении, Есипов отмечает: «Имей же, исправляюще летописи, еже о взятии Сибири и победе сицеве»⁴². Для осмысления фразы с явно нарушенным грамматическим строем произведем некоторую ее реконструкцию. «Еже» средний род местоимения «иже» — «который»⁴³. Для согласования частей предложения введем (видимо, утраченный при переписке) повтор слова «летописи» в сочетании со словом «которое»: «Имею же, исправляя летописи, летописе, которое (называется): «О взятии Сибири и победе таковой». В полном названии Строгановской летописи выделяются три основных элемента: 1) «О взятии Сибирской земли, 2) како... царю... Сибирское государство обладати... и 3) утверди в ней... архиепископию»⁴⁴. О последнем элементе отмеченном лишь в заглавии летописи, Есипов умалчивает, когда упоминает о ней во второй раз.

Подтверждает правильность сделанного нами допущения тот факт, что еще переписчик Сычевского списка, написав слово «летописие» (си — ?) и заметив, видимо, пропуск повтора, вносит в него ясно видное исправление единственного на множественное число—«летописия»⁴⁵. Во всех просмотренных нами списках Есиповской летописи⁴⁶ гл. 36 названа или согласно оглавлению Сычевского списка: «О исправе летописию имея таковыя приклады» (в различных вариациях), или же выносом разобранной фразы из текста главы с самыми различными ее реконструкциями. В одном из списков летописи в названии 36-й гл. обнаруживается третий элемент полного названия Строгановской летописи: «О поставлении архиепископа в Тоболеск»⁴⁷, что подтверждает нашу гипотезу. В заключение в гл. 37-й Есипов вновь отмечает: «Ино же написанех с писания преже мене списавшаго нечто и стесняемо бе речью, аз же распространих»⁴⁸. Исключив все связанное со Строгановыми, Есипов, как выше отмечалось, значительно превзошел объем Строгановской летописи, то есть «распространил» свой текст. Значит, вероятно, и здесь в третий раз упоминается все та же Строгановская летопись.

Чем же в таком случае можно объяснить столь различные концепции и акцент летописцев? Так, в отличие от Строгановской летописи,

⁴¹ См. СЛ, стр. 106.

⁴² Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ). Отдел рукописей. Сборник Θ XVII. 33, л. 109; СЛ, стр. 162.

⁴³ И. И. Срезневский. Материал для словаря древнерусского языка. Т. 1. М. 1958, стб. 819, 1027.

⁴⁴ См. СЛ, стр. 1.

⁴⁵ ГПБ. Отдел рукописей. Сборник Θ XVII. 33, л. 109 об.

⁴⁶ Было просмотрено свыше двух десятков таких списков в архивах и рукописных отделах книгохранилищ Москвы и Ленинграда.

⁴⁷ Архив ЛОИИ СССР. Коллекция Археографической комиссии, № 11, д. 227, л. 181. См. СЛ, стр. 162 — Примечания (разночтение по Коркуновскому списку).

⁴⁸ СЛ, стр. 169.

где называются сподвижники Ермака, у Есипова фигурируют «Ермак и прочие», лишь имя Кольцова упоминается в связи с его гибелью (что, кстати, отмечено и в грамоте «освященного» собора)⁴⁹. Зато в Есиповской летописи пестрят имена татар и описания событий, с ними связанные. По мнению Бахрушина, Есиповым создавалось житие «нового патрона Сибирской кафедры», прославлялись «деяния» Ермака и казаков на поприще распространения христианства в назидание местным «иноверцам». Отсюда акцент на имена татар и описание житийного, то есть обобщенного, типа. Выполняя заказ церкви, Есипов исключал не только конкретные имена атаманов и казаков, но и все указания на связь Ермака со Строгановыми. Летописец, раскрывающий историю присоединения Сибири с позиций церковной идеологии, конечно, был заинтересован в том, чтобы отделить деятельность Ермака и казаков от имени и дел богатых солепромышленников и тем самым возвысить, «очистить» побудительные помыслы «божьих избранников» — казаков, поднять их до уровня подвижников за веру.

Однако Есипов не просто походя отвергает концепцию Строгановской летописи. Для этого он должен был иметь и обоснование. Какое же? Все три летописи упоминают о письме Ермака царю; строгановский летописец — еще и об отписках Ермака Строгановым, «Кунгурский» летописец — «о полковых писарях»⁵⁰. Видимо, можно говорить о какой-то «канцелярии» в дружине Ермака. При тогдашнем делопроизводстве обычно составлялись безадресные черновики — «отпуски». Сами письма — отписки хранились у адресата в вотчинном архиве (ими и воспользовался строгановский летописец)⁵¹. Черновики же — «отпуски» — оставались в казачьей среде и в какой-то части были, видимо, принесены в 1622 г. Киприану. Это-то «Написание», очевидно, и явилось для него основанием к составлению синодика, а для Есипова — тем источником, с которого строгановский летописец якобы «списал нечто» до него. «Отпуски», как правило, безадресны. Это и позволило Есипову наряду с исправлением частных ошибок «исправить» и концепцию «протографа» в части связи Ермак — Строгановы. Так или иначе, но Есипов, как нам представляется, положивший в основу своего сочинения текст Строгановской летописи, создал свою концепцию похода Ермака в Сибирь, отвечающую интересам Тобольской епархии⁵².

Исходя из предположения о прямой зависимости Есиповской летописи от Строгановской, более определенно можно говорить и о датировке последней. В XV—XVII вв. при присоединении к государству той или иной территории важную роль играло распространение на ней официальной религии — христианства. В связи с этим большое значение придавалось основанию епархий, таких, как Пермская, Казанская, а позднее Сибирская. Учитывая это, можно предположить, что торжественный проезд через Сольвычегодск в Сибирь первого архиепископа (весной 1621 г.) или известие об основании Сибирской епархии (Киприан был назначен архиепископом 8 сентября 1620 г.)⁵³ могли побудить Строгановых составить документированную повесть «О взятии Сибирской земли», чтобы прославить свою роль в этом событии именно теперь, когда

⁴⁹ Грамота об установлении чина поминовения ермаковских казаков от 16 февраля 1636 г. известна С. У. Ремезову (см. СЛ, стр. 353).

⁵⁰ См. СЛ, стр. 29, 316; о полках упоминает и строгановский летописец (см. там же, стр. 11).

⁵¹ Документы о походе Ермака в середине XVIII в. собирал управляющий имением Строгановых П. С. Икоsov, автор «Истории о родословии... Строгановых» (Пермь. 1881). Не потому ли в архиве Строгановых и нет этих материалов?

⁵² Отсутствие в ермаковских документах годовых дат можно объяснить сугубо деловым характером отписок.

⁵³ П. Буцинский. Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан. Харьков. 1891, стр. 57—58; ЦГАДА, ф. 210, № 178, лл. 1—2.

с открытием епархии Сибирь в их представлении окончательно входила в состав России. 1621 год (кстати, год смерти последнего из трех организаторов похода Ермака — М. Строганова) можно считать временем написания Строгановской летописи. Тот факт, что об основании Тобольской епархии упоминается лишь в названии летописи, служит дополнительным подтверждением такой датировки.

Исследователи связывали составление Строгановской летописи с притязаниями Г. Д. Строганова (около 1673 г.) «на наследие славы в призвании Ермака его предком Семеном», не включенным в известную «опальную» грамоту от 16 ноября 1582 года. Преимущественно на основании включения имени Семена в приводимый в летописи текст грамоты вся летопись объявлялась «позднейшим фальсификатом» или образцом «сочинительства конца XVII века»⁵⁴. Однако то, что называют «фальсификацией», можно объяснить условиями, в которых летопись составлялась в 1621 году. Палеографический анализ недатированного списка Строгановской летописи позволяет вслед за А. А. Введенским утверждать, что филигрань в форме кувшинчика с двумя ручками, с буквами «РС» проходит через листы всей рукописи. «Филиграней других рисунков нет»⁵⁵. Полностью тождественная филигрань в печатной богослужебной книге (Трефологионе) датируется 1636—1637 годами⁵⁶. Если исходить из того, что Есиповская (1636 г.) летопись зависит от Строгановской, то прав был А. И. Андреев, писавший о том, что это один из известных «древнейших списков летописи», а не оригинал, как предполагал А. А. Введенский⁵⁷. Таким образом, возможность составления Строгановской летописи в 1621 г. и с этой стороны не исключается. Слабое знакомство строгановского летописца с топографией Сибири и Чусовских владений Строгановых, включение имени Семена в «опальную» грамоту позволяют предполагать, что составлялась летопись в Сольвычегодской вотчине, владельцами которой в то время были сыновья Семена Строганова (через Сольвычегодск проезжал в Сибирь и Киприан).

Итак, из трех возможных схем связи двух летописей наиболее правдоподобна схема зависимости их от общего источника (в равноценных черновиках-отпусках и отписках Строгановым из дружины Ермака); уяснение схемы затруднено тем, что вместе с общим двум летописям источником (в двух оригиналах) для Есиповской летописи источником (протографом) являлась и Строгановская летопись. Использовались ли при составлении синодика Киприана, а затем и Есиповской летописи непосредственно черновики отписок или казаки представили в Тобольске «Написание», составленное ими на основании воспоминаний и ермаковских документов, — этот вопрос остается открытым.

Ремезовская летопись создана намного позднее рассмотренных, но по несохранившимся источникам, восходящим к свидетельствам очевидцев, ее также можно отнести к начальным летописям. Отлична она и по оформлению — это фактически лицевой свод — оригинал. Ремезовская летопись исследуется со времени ее открытия Г. Ф. Миллером в 1741 г.⁵⁸, но до сих пор не установлены некоторые ее источники, время написания и другие факты. Основным автором летописи, как известно, является талантливый «изограф», составитель карт, чертежных книг

⁵⁴ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 213—217, 279.

⁵⁵ А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVII—XVIII веках. М. 1962, стр. 67—68.

⁵⁶ А. А. Гераклитов. Филигранны XVII в. М. 1963, стр. 127, № 824. При любезном содействии Т. В. Диановой идентичность филиграней непосредственно по Трефологиону (М. 1636—1637) проверена в Рукописном отделе ГИМ (Книжное собрание меньше, № 555).

⁵⁷ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 216; А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 69.

⁵⁸ Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов. М. 1965, стр. 111—112.

С. У. Ремезов⁵⁹. Поэтому выводы о ее датировке без сопоставления с другими, датированными работами С. У. Ремезова не могут быть окончательными. Мы ограничимся здесь лишь наблюдениями над оригинальным текстом и частично рисунками⁶⁰.

Сопоставление Строгановской, Есиповской и Ремезовской летописей говорит о зависимости последней лишь от Есиповской⁶¹. При составлении лицевого свода С. У. Ремезов использовал структуру и материал Есиповской летописи, исправляя ее ошибки и вводя новые статьи. При этом текст насыщается такими подробностями, которых никакая иная летопись не содержит. Здесь можно предположить детализирующее влияние большого круга источников, в том числе если не самих «отпусков» ермаковских писарей, то какого-то материала, с ними связанного. Только в одном случае отстывает Ремезов от общей с Есиповым последовательности повествования: посылка Маметкула к Москве (ст. 91) и направление первых воевод в Сибирь (ст. 92) изложены в обратной последовательности (соответствуют 21—20 главам). Как отмечалось выше, Есипов здесь не последовал за Новым Летописцем. Не зависел ли от материала Нового Летописца Ремезов, незнакомый со Строгановской летописью? Для ответа на этот вопрос сравним оба источника⁶².

РЕМЕЗОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

ст. 104. Бе бо у Кучюма татарин в смертной казни; и сего посла проведати Ермака и броду чрез перекопь; татарин же перебрел и виде казаков всех спящих возвестив Кучюму; и не верно бе, и лаки посла, веле унести что; и пришел второе, взят 3 пищали и 3 лядунки, и принесе; бе же ноши тоя дождь умножен, яко судбами божими постиже рок, и прииде на воинов смерть.

НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

гл. 2.. Татарин же у нево Кучюма в вине, и посла его Кучюм в реку: «отведай мне в реке броду; будет отведаешь, и я тебя от казни пожалую». Татарин же реку перебрел и видя их спящих, и прииде татарин и поведа то Кучюму. Кучюм же ему не поверя и посла его вдругие и повеле у них что взяти. Татарин же поиде вдругие и, пришед, взял у казаков три пищали да три вязни и принесе Кучюму...

Если добавить, что в месте вставки ст. 104 (в Ремезовской летописи) два номера (103, 104) не относятся ни к Есиповской летописи, ни к «Кунгурскому» летописцу (о котором см. ниже), а в Новом Летописце именно две статьи связаны с сибирскими событиями, то можно считать, что материал последнего использован в Ремезовской летописи. Веским подтверждением в данном случае является и «Окладная книга Сибири» 1697 года⁶³. В ней в виде выписки из «Степенной книги» (границы 17-й) излагается общий с двумя первыми статьями Нового Летописца материал⁶⁴. Составление «Окладной книги» было начато в 1696 г.⁶⁵; тогда же 10 января 1696 г.— состоялся и известный боярский приговор: «О снятии чертежа всех сибирских городов и земель»⁶⁶. «Окладная книга», содержащая сводный материал о сибирских городах и расстояниях между ними, была завершена в Сибирском приказе в 1697 г., а осенью 1698 г. там же С. У. Ремезов с сыном Семеном, вы-

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Библиотека АН СССР (в Ленинграде). Отдел рукописных книг, 16.16.5; С. У. Ремезов. Краткая Сибирская летопись со 154 рисунками. СПб. 1880; СЛ.

⁶¹ На это указывал еще С. А. Адрианов (указ. соч., стр. 543—544). Сопоставление (по Сычевскому списку) подтверждает его выводы.

⁶² Ремезовская летопись, ст. 104. СЛ, стр. 343; Новый Летописец, ст. 2. ПСРЛ. Т. 14, ч. 1, стр. 34.

⁶³ «Окладная книга» 1697 г., составленная в двух экземплярах, хранится ныне в Ленинграде (ГПБ. Рукописный отдел. Г. IV. 76) и Москве (ГИМ. Отдел рукописных книг. Шукинское собр. 189).

⁶⁴ См. М. И. Наврот. Окладная книга Сибири 1697 г. «Проблемы источниковедения». V. М. 1956, стр. 185.

⁶⁵ Е. И. Дергачев а-Скоп. Указ. соч., стр. 86.

⁶⁶ Полное собрание законов (ПСЗ). СПб. 1830. Т. 3, № 1532, стр. 217.

полняя боярский приговор, завершают «чертеж», за что по распоряжению А. А. Виниуса (причастного к составлению «Окладной книги») С. У. Ремезов получает награду⁶⁷. При работе Ремезовы, несомненно, использовали (а значит, и знали) «Окладную книгу» 1697 года.

Поскольку Ремезовская летопись — лицевой свод, то для правильной оценки ее важно установить степень взаимного влияния «наличного всположения» (иллюстрирования) и составления текста, а в связи с этим виды работ самого С. У. Ремезова и его «природных», о которых упоминается в заключительной, 157-й статье летописи. Имена их в сопровождающем статью рисунке зашифрованы в монограммах, выведенных вязью, в пяти изображениях «сердец» со знаками, напоминающими цифру «4»; над центральным знаком — слово «сим» из текста заключительной, 157-й статьи («Имя же мое знаком сим зовом, с природными прослыти в Сибирстей стране»); дополнительно имена другими чернилами (не одновременно с основным текстом) зашифрованы литорейми над каждым из сердец⁶⁸. При издании летописи в 1880 г. все пять литорей были расшифрованы⁶⁹. При попытках же расшифровать монограммы литорей обычно довели над исследователями⁷⁰.

Посмотрим, какие инициалы можно выявить в лигатурах монограмм? Что они могут значить? И, наконец, что же может скрываться под «знаком сим»? С. У. Ремезов, как явствует из ст. 157, «вкратце глагодал», то есть составлял текст, и «налично всположил» — определял содержание, набрасывал сюжеты и композиции рисунков. При переписи 1710 г. он назвался иконником⁷¹. В рисунке к ст. 157 надо полагать более конкретно — лицевищиком⁷². Отсюда и возможная расшифровка: лицевищик, или, скорее, «личил», Семен Ульянов Ремезов (ЛСУР), периферийные монограммы начинаются с буквы «С». Здесь также, видимо, спецификация деятельности: «справляли» справщики — Леонтий Семенов Ремезов (СЛСР), Семен Ремезов (младший) (ССР), Петр Ремезов (СПР). Левая нижняя монограмма особая. В ней, учитывая спуск буквы, определяются, кроме инициалов Ивана Семеновича, и инициал Афанасия (Никитича) — племянника С. У. Ремезова (отсюда, видимо, и выражение «с природными», а не «с родными» — СИСА). Они вместе поступали на государственную службу⁷³. Так можно определить круг лиц, зашифрованных в конце свода. Знак же под словом «сим» напоминает стилизованное изображение клюва птицы (ремеза — родового их прозвища — фамилии). Это, надо полагать, «знамя» «ясашного зборщика»

⁶⁷ Л. А. Гольденберг. Указ. соч., стр. 48, 211.

⁶⁸ См. С. У. Ремезов. Краткая Сибирская летопись. СПб. 1880, стр. 39.

⁶⁹ Там же, стр. 1.

⁷⁰ А. И. Андреев центральную монограмму определил по аналогии с литорей («Писал Семен Ремезов»), как ПСР. Соответственно определены им и периферийные монограммы: СЛР («Леонтия Семенова»), ССР («Семена Семенова») (см. А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 253—254). Под влиянием литорей и Л. А. Гольденберг в центральной монограмме предполагает ПСУР; он первым обратил внимание на начальную букву «С» в других монограммах, но его предположение, что это слово «сын», вряд ли оправданно («Сына Леонтия Ремезова» — значит внука С. У. Ремезова) (Л. А. Гольденберг. Указ. соч., стр. 113). Первой точно определила монограмму в центре композиции Е. И. Дергачева-Скоп — ЛСУР (указ. соч., стр. 27). Но и с ее мнением о том, что «С. У. Ремезов зашифровал три имени: свое и природных (Леонтия, Ульяна плюс свою фамилию)», трудно согласиться. Почему природные, а не родные? Почему имя Леонтия (которому, как полагает Е. И. Дергачева-Скоп, в 1690 г. было 13 лет) упомянуто, а имен 11-ти и 9-летних Семена и Ивана (см. Л. А. Гольденберг. Указ. соч., стр. 36, 76) нет? Спорным представляется объяснение знака под словом «сим» как «титла» и одновременно цифры «4»: четыре литеры: ЛСУР. Тогда как же под «знаком сим» могли Ремезовы «прослыти в Сибирской стране»?

⁷¹ См. Л. А. Гольденберг. Указ. соч., стр. 76.

⁷² Лицевщик — одна из специальностей в русском иконном производстве. См. И. П. Сахаров. Исследование о русском иконописании. Кн. 2. СПб. 1849, стр. 38.

⁷³ См. Л. А. Гольденберг. Указ. соч., стр. 38.

С. У. Ремезова, известное в среде местного населения («в Сибирстей стране») ⁷⁴.

Большой интерес представляют вставные статьи «Кунгурского» летописца, включенные в общую пагинацию свода; они его часть, но особенная. Бахрушин отмечал, что «при всей пестроте своего состава» летописец сообщает «очень много конкретных фактов, которых нет в других сибирских летописях». Он приводит фразу: «Егда же начахом приступати» (ст. 75) и заключает, что «если только это не описка», то «рассказ написан участником боя» ⁷⁵. Но есть основания считать, что автор Летописца — участник и многих других событий похода Ермака. Однако он не принадлежит к казакам. Не мог член дружины — казак, находясь в неведомой земле среди невиданных людей, с большей любознательностью описывать жизнь и обычаи казаков (для них-то самих обыденные), а не сибирских жителей. Автор отмечает, что Ермак «мимоходом урвал, то и наша добыча», но бойцов Патлика «Ермак с товарищи прибили до единого» ⁷⁶. Добыча «наша», а прибили — «Ермак с товарищи», то есть с казаками. Он только слышал о том, что казаки «обмишенились», не попав в устье Серебрянки, так как этим же пытается объяснить и Сылвенский поход 1578—1579 годов. Значит, изначального пути следования дружины в Сибирь автор четко не представляет. Но он же, как очевидец, описывает погрузку казаками припасов («струи их грузу знимать не стали и под берегом тонули; они же приправили набои, излегчили принимать запасов помене по стругам, и управившася вси») ⁷⁷. Знает автор и о порядках «у Строганова в казне». По-видимому, это один из рядовых писарей, состоявший на службе у М. Строганова; прибыл он в Чусовской городок уже после выступления казаков в Сибирь (12 июня 1579 г.) и выбыл до нападения Бегбелия на Чусовские вотчины Строгановых (21 июля 1581 г.) ⁷⁸.

⁷⁴ При рассмотрении свода в целом (в оригинале) попытаемся вскрыть процесс работы над ним. Как известно, из 157 номеров статей — 20 вставных (из «Кунгурского» летописца. Рисунки под этими статьями и под статьями 140—147 исполнены по-особому, отлично от остальных рисунков); трех статей (83, 88, 103) нет; как предполагалось выше, ст. 104 заимствована из Нового Летописца (где две статьи посвящены Сибири), и поэтому расчет номеров статей в своде велся с их учетом; вместе с опущенными (83 и 88) статьями и статьями «Кунгурского» летописца вставных 24 номера. Если к ним прибавить номера над рисунками, однотипными по оформлению «Кунгурскому» летописцу (статьи 140—147), то всего будет 32 дополнительных номера статей, не соотносящихся с Есиповской летописью. Внутри текста есть отсылки (в ст. 56 на статьи 23, 24 и в ст. 118 на ст. 81), но упоминаемые факты излагаются в статьях с другими номерами (27, 28 и 113). В первом случае разница в нумерации статей на четыре (27, 28 минус 23 и 24) — это первый лист вставного «Кунгурского» летописца (статьи 5—8); во втором случае — в 32 статьи (113 минус 81) — это учтенные, но еще не распределенные по листам все вставные статьи. Статьи 127—130 соответствуют гл. 34 Есиповской летописи и иллюстрируют ее содержание; гл. 35 в последней начинается фразой: «Оттоле же солнце евангельское землю Сибирскую осия». Есть в своде иллюстрация и к этой главе, это под ст. 139. Но текст ее написан по наклейке, номер заклеенной статьи — 115, 139 минус 115 — разница в 24 статьи. Это уже учтенное расположение вставок (32 ст. минус 8 ст., последующих за 139 статьей, то есть статьи 140—147). Текст же под наклейкой (под номером 115) соответствует, но не идентичен ст. 131; статья же 130 — последняя в иллюстрации к гл. 34 Есиповской летописи, а рисунок к заклеенному тексту ст. 139, соответствующему ст. 131, — иллюстрация к гл. 35 Есиповской летописи. Обнаруживается замкнутая цепь сложной взаимосвязанности текста и рисунков, зависимости рисунков от последовательности глав Есиповской летописи, которая, следовательно, положена в основу и иллюстративной работы. Сложно было распределить противоречивый материал, не согласующийся с Есиповской летописью, с иллюстрации текста которой началась работа над сводом. Видимо, поэтому в ходе работы отказывались от части уже размеченного материала. Отсюда: пустые номера и статьи, не связанные тематически со сводом.

⁷⁵ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 42.

⁷⁶ См. Ремезовская летопись, ст. 51, 52, СЛ, стр. 326.

⁷⁷ Там же, ст. 8, СЛ, стр. 315.

⁷⁸ Чтобы определить место (а затем и роль) автора «Кунгурского» летописца в событиях, связанных с походом Ермака, мы сопоставили упоминаемые им датированные факты с соответствующей (начальной) частью хронологической схемы этого

В статье 80 летописец сетует на то, что все бои «описать трудно подробну: вои убитых нет, а раненых каждой многаши». Значит, события ему памятни и близки по времени. Однако по независимому отношению его к М. Строганову, выраженному в Летописце, по тому, что в Строгановской летописи нет места «Кунгурскому» летописцу, думается, что автор последнего с М. Строгановым уже не связан. Знание местной топонимики, легенд сибирских татар, их языка — все говорит за то, что указанный Летописец составлялся в Сибири. Об озерке в бассейне Нижней Тавды, которого Г. Ф. Миллер не сумел отыскать, автор уверенно говорит: «и то словет и до ныне Банное Поганое, полно костей человеческих» (ст. 49). Ниже (в ст. 52) летописец-очевидец свидетельствует: «Ермак с товарищи... возвратишася вниз по Тавде... обирающе хлеб в ясак... и тот збор — первое ясачной хлеб, в Тобольску и донные хлеб... то в месте Ермакова прибору». Сбор этот происходил в районе городка Табаринца Бия. Табаринская волость с 1593 г. была подчинена Пелыму, а в 1594 г. табаринцы пашут уже «государеву пашню»⁷⁹. Если в Тобольске «донные» собирают «хлеб в ясак» с табаринцев, которые с 1593 г. ведаются пелымскими воеводами, то составлялся текст не позднее 1592—1593 гг. и скорее всего в главном тогда сибирском городе Тюмени. Раньше на Тагильском волокe вряд ли могли прорасти «дерева» сквозь днища судов, оставленных Ермаком в 1579 году. Автор летописца выезжал к М. Строганову до закрытия Чусовского пути (в 1590 г.) и видел те суда. Видимо, в числе других бывших «людей Строгановых» он находился на сибирской «государевой» службе, а до этого ездил отчитаться перед М. Строгановым, у которого «в казне» и обнаружил, что с людей, пополнивших дружину Ермака в 1581 г., «донные» «взыскуется».

Заключительные статьи летописца (ст. 99—102) показывают, что их автор сопровождал Ермака в его последнем выступлении. Подробная топонимика, яркие эпизоды — все это говорит, что описывает события очевидец, отличающий виденное от слухов: в Ташатканском городке «спал камень с небеси, величество как бы воз с санми, видом багров, и от него де временем возходит стужа, дождь и снег; и о сем Ермак с товарищи дивился»⁸⁰. Автор — единственный со стороны дружинников свидетель трагических событий: он-то, несомненно, и «утече» с места гибели Ермака. Бахрушин отмечал, что, судя по фразе — «един токмо утече», варьирующейся в Есиповской, Строгановской (мы добавим — и в Ремезовской) летописях и в Новом Летописце, — источник сведений о гибели Ермака со стороны казаков был общим для всех этих сочинений⁸¹. Видимо, через Мещеряка, последнего корреспондента Строгановых, из Сибири известие попало в их домовую контору, а затем последовательно в Строгановскую, Есиповскую и Ремезовскую летописи. В Посольском приказе, ведавшем и Сибирью и вотчинами Строгановых, несомненно, хотели знать о судьбе Ермака⁸². Думается, что не только известия, полученные от казаков, но и со стороны кучумлян (отраженные и в Строгановской летописи и в Новом Летописце), поступили в Посольский

похода, составленной главным образом на основании фактов, извлеченных из Строгановской летописи (см. В. И. Сергеев. Указ. соч., стр. 118). Отметим, кстати, что при этом выявился важный факт: первая посылка отряда из дружины Ермака к Строгановым произошла еще в 1581 году.

⁷⁹ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1. М. 1937, стр. 283.

⁸⁰ Ремезовская летопись. ст. 101. СЛ, стр. 342. Речь, несомненно, идет о метеорите. Автор лично свидетельствует о его размерах и виде, а со слов очевидцев — о его состоянии непосредственно после падения. Подобное явление наблюдалось при падении в Индии метеорита Дхурмсала (см. И. А. Астапович. Метеоритные явления в атмосфере земли. М. 1958, стр. 319).

⁸¹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 21.

⁸² См. А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 383—389.

приказ от Строгановых⁸³. Фразы «един токмо утече» не должно быть в «Кунгурском» летописце, так как в ней речь идет об авторе данной летописи от третьего лица. И ее там нет!

С. У. Ремезов вставным статьям предпосылает название: «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Полагают, что последняя была приобретена им в «кунгурской посылке» в 1703 году⁸⁴. Однако упомянутый в «Кунгурском» летописце факт о судах на р. Серебрянке текстуально однозначно отмечается Ремезовым, по крайней мере за два года до поездки в Кунгурский уезд⁸⁵. Стройнее становится система связи этого летописца с другими источниками, повторяющими общие известия, если допустить, что во время второго пребывания в Москве (август — ноябрь 1698 г.) С. У. и С. С. Ремезовы познакомились и с «Окладной книгой» 1697 г. и с «Кунгурским» летописцем. Звенья цепи соединяются через А. А. Виниуса, являвшегося с 1697 г. руководителем Сибирского приказа⁸⁶.

Посольский приказ, ведавший Сибирью до 1596 г., запросил, несомненно, и тюменских служилых людей о начальных сибирских событиях. Очевидец и участник ряда событий бывший писарь М. Строганова и составил отписку, тогда же поступившую в Москву. Около 1630 г. она была использована в Новом Летописце⁸⁷, составленном в Посольском приказе и упоминающем, как и «Кунгурский» летописец, одного М. Строганова. С весны 1664 г. А. А. Виниус был единственным переводчиком с голландского языка в Посольском приказе⁸⁸. И тогда же, с лета, в свите голландского посланника в Москве около года находится Н. Витзен, с которым Виниус все последующие годы был «в тесных связях»⁸⁹. В изданной в 1692 г. «Noord en Oost Tartaryen» Витзен тоже упоминает одного Строганова, причем сведения, сходные с «Кунгурским» и Новым летописцами, как отмечал Бахрушин, в его книгу были «занесены понаслышке»⁹⁰.

Логично допустить, что библиофил Виниус, свыше 50 лет собиравший рукописные и печатные книги⁹¹, уже с 1664 г. знал о содержании «Кунгурского» летописца, а ко времени приезда в 1698 г. Ремезовых в Москву, став руководителем Сибирского приказа, владел если не оригиналом, то списком этого сочинения, с которым и познакомил «сибирян»⁹². Перерасчет вставных статей в Ремезовской летописи, при котором учитывались и статьи «Кунгурского» летописца и две статьи из «Окладной книги» 1697 г., свидетельствует также о близости во времени их приобретения Ремезовыми. Только после поездки в 1703 г. в Кунгурский уезд (в бассейн р. Сылвы), соответственно описанию сылвенского похода Ермака, летописец был ими назван «Кунгурским»; начальным это название не могло быть уже потому, что Кунгур основан в 1648—1649 годах⁹³.

⁸³ Строгановский летописец, описывая гибель Ермака, использует явно свидетельство кучумлян-очевидцев: «Воспрянув ту храбрый ваш воин Ермак...» (см. СЛ, стр. 38).

⁸⁴ Л. А. Гольденберг. Указ. соч., стр. 119.

⁸⁵ С. У. Ремезов. Чертежная книга Сибири 1701 г. СПб. 1882, л. 2.

⁸⁶ С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М. 1906, стр. 127—128.

⁸⁷ Не исключена возможность влияния этих же материалов на «Степенную книгу», упомянутую в «Окладной книге» 1697 года.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1667 г., д. 22, л. 2; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 127.

⁸⁹ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 48—49; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников. Т. 1, ч. 2. Иркутск. 1936, стр. 60—61.

⁹⁰ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 48—49.

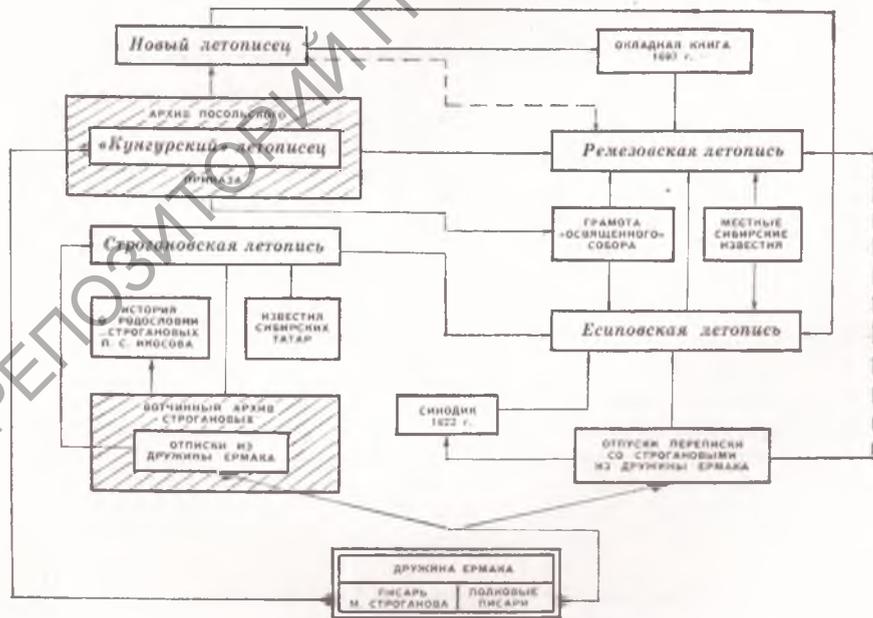
⁹¹ См. М. Доброклонский. «Книга Виниуса». «Известия» АН СССР. Серия VII. 1929, № 3, стр. 218 (библиотека Виниуса насчитывала 363 книги).

⁹² О связях А. А. Виниуса с С. У. Ремезовым и о разносторонней деятельности последнего в Москве см.: Л. А. Гольденберг. Указ. соч., стр. 48—49.

⁹³ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала. М. 1956, стр. 49.

Статьи «Кунгурского» летописца, как отмечает Бахрушин, приведенные Ремезовыми, «по-видимому, в неискаженном виде». Об этом свидетельствует общность сравниваемых выше текстов вставной статьи (104) со статьей Нового Летописца (идентичной с соответствующим местом из «Окладной книги» 1697 г.). Однако следует учитывать возможность включения в известный текст «слов и выражений». Поэтому догадки исследователей, основанные на наличии в тексте отдельных терминов или выражений, как правило, не могут быть оправданы. Возможно ли, например, исходя лишь из названия летописца, делать заключения и о времени и месте его составления? Или по этому же признаку определять время записи, относя текст к так называемым «устным летописям»?⁹⁴ Невыясненным же остается при этом происхождение и самого названия.

Итак, изначальной «летописью», освещающей детально части эпопеи волжских казаков в Сибири, следует считать «Кунгурский» летописец, составленный участником и очевидцем многих событий. Источниками равноценных сведений для С. Есипова и строгановского летописца были материалы «полковых» казачьих писарей (скорее всего непосредственно в отпусках для первого и отписках для второго). Строгановский летописец использовал и другие материалы вотчинного архива, а Есипов — указную грамоту «освященного» собора, синодик Киприана, Строгановскую летопись, Новый Летописец и устные известия казаков; «преж» Есипова «списавший нечто» составитель Строгановской летописи — родоначальник присущей двум летописям «изыщной словесности», а отписки и отпуски — источник общности их «безыскусного» повествования. Источники Ремезовской летописи: Есиповская летопись, «Окладная книга» 1697 г. (хранящаяся в Москве)⁹⁵, «Кунгурский» летописец, указная грамота «освященного» собора и другие (см. схему).

⁹⁴ См. С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 40; Е. И. Дергачева-Скоп. Указ. соч., стр. 98.

⁹⁵ Аллегорический рисунок «времен года» с латинскими надписями, тексты двух первых статей Нового Летописца и списка Есиповской летописи, помещенной в данном сборнике (ГИМ. Отдел рукописных книг. Шукинское собр., 189), позволяют предполагать, что именно этот экземпляр книги принадлежал А. Виниусу и через него был известен Ремезовым.

Подробность и яркость описаний автора «Кунгурского» летописца объясняются личным участием его составителя в событиях. Но он отдален от руководства дружины, ему неизвестны взаимоотношения членов фамилии Строгановых, их связи с дружиной Ермака, с Иваном Грозным. Отсюда домыслы при обобщении слышанных, а отчасти и виденных фактов. Строгановский летописец не очевидец: он не бывал в описываемых местах, топографию которых плохо представляет. Не зная многих сторон внутренней связи событий, он не может правильно интерпретировать материал. По стечению фактов, почерпнутых из документов, судит он и о хронологии похода, и о дружине Ермака, и об отношении к ней Строгановых. Отсюда противоречивость и ошибочное объяснение многих реальных событий в Строгановской летописи. С. Есипов также далек от описываемых событий, судит о них по разрозненным документам, Строгановской летописи и изустным рассказам. Ошибочность выработанной им концепции идет во многом от указной грамоты «освященного» собора (1636 г.) и Строгановской летописи. Создание «житийного» типа повествования наложило особый отпечаток на его сочинение. Обобщенное изложение позволило последователям Есипова различно толковать ход и взаимосвязь событий. Так, для С. У. Ремезова это облегчало использование Есиповской летописи как основы для лицевого свода, насыщенного затем вновь конкретными, часто противоречивыми фактами из других источников. Отсюда появилась в Ремезовской летописи и донельзя запутанная хронология и противоречивая связь событий. Можно предположить, что летописный свод не был единовременным одноактным творением. Подобно «Служебной чертежной книге», составлявшейся также не по заданию властей на протяжении десятилетий, свод был начат с иллюстрации есиповских глав еще до поездки Ремезовых в Москву в 1698 году. Работа над ним продолжалась вплоть до того времени, когда свои монограммы смогли пририсовать в конце свода и младшие Ремезовы — Иван и Петр.

Такими представляются нам истоки сибирских летописей и причины противоречивости их концепций.